

Ф.В. Ливанов

Раскольники и острожники

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Ф11

Ф11 **Ф.В. Ливанов**
Раскольники и острожники: Том 2 / Ф.В. Ливанов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 628 с.

ISBN 978-5-4241-8577-9

Раскольники и острожники.

ISBN 978-5-4241-8577-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЪ АВТОРА.

Выпуская второй томъ вторымъ изданіемъ, мы должны сказать, что въ этомъ томѣ заканчиваемъ Исторію Молоканъ и Духоборцевъ въ XVIII вѣкѣ. Въ послѣдующихъ томахъ идетъ разработка сихъ сектъ съ царствованія Императора Александра I. Можемъ сказать безъ преувеличенія, что въ изданіяхъ нашихъ въ первый разъ является въ Россіи и за - границею разработка извѣстныхъ доселѣ только по слуху сектъ Молоканской и Духоборческой, и разработка по документальнымъ источникамъ, слѣдовательно неопровержимымъ... Мы коротко знаемъ, что изданныя нами книги по своимъ источникамъ и разработкѣ оныхъ послужатъ краеугольнымъ камнемъ всѣхъ послѣдующихъ изслѣдованій сихъ любопытныхъ сектъ, и книги наши проживутъ, какъ и officialный VIII томъ о раскольникахъ Н. Варадинова, столѣтія; потому не намъ обращать серьезное вниманіе на завыванія бездарныхъ рецензентовъ—неучей, имѣвшихъ дерзость кричать безъ смыслу и чести на наши книги въ пользу темнаго раскола и, можетъ быть, въ угоду золотымъ иѣшкамъ раскольничьимъ... Мы душевно благодарны тѣмъ дѣйствительнымъ знатокамъ раскола и сектъ русскихъ, въ числѣ коихъ многіи профессорамъ, почтившимъ насъ печатнымъ разборомъ и привѣтственными письмами, которые съ умомъ, знаніемъ и добросовѣстностію отнеслись къ нашимъ изданіямъ. Многимъ изъ ихъ замѣчаній мы воспользовались съ благодарностію и впредь воспользуемся съ охотою. Мы дѣлимъ также лестные, письменные къ намъ обращенные отзывы о нашихъ трудахъ Епархіальныхъ Епископовъ, Ректоровъ Семинарій и Губернаторовъ, запасшихся значительнымъ количествомъ нашихъ книгъ для подвѣдомственныхъ ихъ управленій лицъ. Мы больше всего опасались нареканій отъ православнаго духовенства за «Молоканъ и Духоборцевъ» и, къ чести онаго сказать, никто изъ этого духовенства не привѣтствовалъ наши труды иначе, какъ съ благодарностію. «Ваши книги, писалъ, напр., намъ одно изъ просвѣщенныхъ высшихъ духовныхъ лицъ, извѣстное въ Россіи своими учеными, но сектантскими дѣланіями, трудами, — доставляютъ намъ истинное удовольствіе; онѣ важны не для насъ только, но и для всѣхъ русскихъ людей, провинутыхъ сочувствіемъ къ родному просвѣщенію. Онѣ вносятъ новый свѣтъ въ наши взгля-

ды, и за нихъ Вы получите много благодарностей отъ Россіи». Наконецъ сами бывшіе раскольники въ журналѣ «Истина» отозвались съ большою похвалою о нашихъ изданіяхъ и искренно благодарятъ за безбоязненное раскрытіе правды во всей ея наготѣ... Вотъ этотъ честный голосъ самихъ раскольниковъ для насъ дорогъ!... Онъ доказываетъ ясно, что честные люди способны прямо взглянуть правдѣ въ лицо, не обижаясь ея суровостію.... Только торгаши расколомъ, сплочествомъ и т. п. могутъ, какъ кроты, немогущіе сносить свѣта солнечнаго, рыть противъ насъ подземныя мины... съ помощію продажныхъ писакъ литературныхъ... И такъ людямъ умнымъ, дѣйствительнымъ знатокамъ росколя, публикѣ, способной оцѣнить правду, лицамъ высшей администраціи въ Россіи и, наконецъ, самимъ бывшимъ раскольникамъ мы понравились. Кому же мы не понравились? Не понравились бездарности литературной да коноводамъ раскола, коихъ мы дѣйствительно бьемъ по самому чувствительному мѣсту, по карманамъ... Мы отвлекаемъ отъ нихъ массу народную, изъ которой они высасываютъ кровь и которую топчутъ въ тмѣ невѣжества и тмѣ кромѣшной... снимаемъ съ пьедесталовъ жалкіе кумиры, на которые, въ слѣпотѣ своей, масса молилась... Литературные неучи накидываются на насъ за то, что мы взгляды, господствовавшіе доселѣ въ литературѣ, назвали дикими и круто повернули съ «раскольничьимъ вопросомъ». Мы смѣялись надъ тѣми невѣжественными писателями, которые, по скудоумію и блаженному невѣденію, писали, что расколъ есть сила... надежда Россіи... великое будущее въ государствѣ. Расколъ былъ дѣйствительно сила, хотя и темная, но теперь онъ дойная корова милліонеровъ плутовъ и ловкихъ безнравственныхъ пройдохъ, взявшихъ вмѣсто поденщины на рынкѣ за архіерейскія митры... Краснорѣчивѣе всего ваши слова подтверждаютъ постоянные въ послѣднее время переходы лучшихъ людей изъ раскола въ единовѣріе и православіе, искренно признающихъ нынѣ, что не поддерживай литература безъ толку и смыслу ихъ невѣжества прежде, они давнымъ бы давно оставили мрачныя заблужденія... были бы давно, быть можетъ, профессорами въ университетахъ, двигателями науки, представителями администраціи, жрецами искусствъ. А теперь они представители лишь тьмы и больше книгъ кожаныхъ ничего не знаютъ. Но прежней литературѣ нашей расколъ былъ нуженъ какъ «вѣшалка», на которую всякій, въ порывѣ либерализма, навѣшивалъ что хотѣлъ и что ему было нужно... Теперь же времена грошовыхъ либераловъ прошли: нынѣ могутъ быть слушаемы только либералы умные, знающіе, сильные здравымъ смысломъ и солидностію своихъ воззрѣній. Не отцы, такъ дѣти и внуки раскольничей массы, выбравшись изъ тьмы кромѣшной, изъ за тѣщихъ станковъ бурлаковъ - милліонеровъ, скажутъ намъ впоследствии искренное «спасибо» за нашу имъ помощь... Въ очеркахъ «Проклятый раскольничій омынокъ», и «Раскольничья дочка» мы намѣтили тотъ путь, по которому должно идти молодое поколѣніе раскольниковъ, и увѣрены, что типы, въ сихъ очеркахъ нами очерченныя, будутъ впоследствии не новость въ землѣ Русской... Исторія государствъ, въ которыхъ есть свободное печатное слово,

доказываетъ намъ, что каждый изъ гражданъ такого государства можетъ считать свою репутацію довольно безопасною, не смотря на то, что его враги имѣютъ полную возможность безнаказанно сплетничать и клеветать у него за спиною... Въковой опытъ народовъ другихъ государствъ убѣждаетъ насъ, что противъ распространенія лжи и клеветы есть одно средство—это такое развитіе общества, при которомъ ни одинъ порядочный человѣкъ не будетъ слушать нечестныхъ сплетенъ... А въ такое развитіе русскаго общества мы вѣримъ!

РАСКОЛЬНИКИ и ОСТРОЖНИКИ

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

I

РУСАНОВЪ

БѢГЛЫЙ РАСКОЛЬНИЧІЙ АРХІЕРЕЙ

Въ 186* году довелось мнѣ быть въ селѣ Бѣлый Ключъ и остановиться по дѣламъ дня на два, на три. Село расположено среди распаханыхъ полей, близъ оврага, опушеннаго лѣсомъ; нѣсколько кустовъ ракиты, березъ и ветельника составляли все богатство растительной природы края. Мужики этого села были большіе краснобаи, и разсказамъ ихъ о прежней жизни не было конца... Жили они послѣ 19 февраля 1861 года на волѣ и значительно поправились. Въ селѣ видѣлось много новыхъ сосновыхъ срубовъ. Всѣ обыватели глядѣли смѣлѣе, занимались торгомъ, чему способствовало положеніе села на большой дорогѣ, и носили, вмѣсто прежнихъ лаптей, сапоги, смазанные дегтемъ. Избы ихъ видимо стояли какъ-то прямѣй, ворота плотно заширалась, плетни и заборы не вываливались наружу и не звали въ гости всякую прохожую свинью. Въ избѣ, занимаемой мною и стоявшей на краю села, было довольно чисто. На стѣнахъ красовались картины: объ освобожденіи крестьянъ, молитва православнаго народа въ 19-е февраля и т. п. Между бревнами и по косякамъ оконъ не скиталось рѣзвыхъ пруссаковъ и не скрывалось задумчивыхъ таракановъ. Я сѣлъ въ растворенному окну за вечернимъ чаемъ и глядѣлъ на улицу. Молодой парень, собиравшійся въ ночную съ лошадью, по-

явился на завалинѣ съ большой бѣлой жестяной кружкой, наполненной хорошимъ квасомъ, съ огромнымъ ломтемъ пшеничнаго хлѣба и дюжиной соленыхъ огурцовъ въ деревянной чашкѣ. Онъ поставилъ всѣ эти припасы на скамейку, прислонился къ забору и началъ уписывать, съ улыбкой поглядывая кругомъ. Мальчикъ, лѣтъ четырнадцати, кудрявый и краснощекій, ѣхалъ верхомъ на водоной и съ трудомъ удерживалъ пѣгаго жеребца. Протавъ моей квартиры, близь опушки оврага, на расчищенной и разработанной полянѣ стоялъ одиноко этапъ, обнесенный желтымъ высокимъ заборомъ. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ сосновыхъ срубовъ, выкрашенныхъ желтою краскою. У воротъ этапа инвалиды тревожно посматривали на большую дорогу и видимо кого-то ждали. День былъ лѣтній и тихій. Дневной знойный воздухъ давно замеръ, вечерній холодокъ живоительно стлался по селу и пахнулъ мнѣ въ растворенное окно.

— Этапные, этапные идутъ! раздалось вдругъ на улицѣ.

И улица мгновенно наполнилась высцавшими изъ домовъ ребятишками. Мужики, прислонившись къ заборамъ, ожидали партіи. Бабы высовывали головы въ окна и кричали на ребятишекъ. На улицѣ показалась партія ссыльныхъ и звукъ кандаловъ ихъ тоскливо раздавался въ вечернемъ рѣдкомъ воздухѣ. Сѣрые армяки запестрѣли предъ окнами и повертели круто къ этапу. Партіонный офицеръ, взглянувъ на мое растворенное окно и стоявшій на столѣ самоваръ, какъ-то странно улыбнулся и будто полукивнулъ головой. Я тотчасъ догадался, что онъ радъ былъ этой встрѣчѣ; и едва ворота этапа затворились, какъ я уже былъ у партіоннаго, славнаго малаго, и бесѣдовалъ съ нимъ. Черезъ пять минутъ мы оба пили чай въ моей квартирѣ. Среди разговора о томъ, о семъ, онъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ, что у него въ партіи идетъ въ Сибирь арестантъ *раскольничій архіерей*, съ которымъ онъ не разъ говорилъ и который, по его наблюденію, замѣчательная личность.

— Можно съ нимъ говорить? спросилъ я партіоннаго.

— Отчего нѣтъ? Онъ заинтересуетъ васъ.

— А есть и еще замѣчательные субъекты въ вашей партіи?

— Какъ вамъ сказать? отвѣчалъ партіонный. — Есть два голово-рѣза, три убійцы своихъ женъ, одна дѣвушка, утопившая своего дитя, и человекъ десять поджигателей лѣсовъ. Прочіе все, кажется, мазурики — кто судился за взломъ амбаровъ, сундуковъ, кто просто за воровство.

— Вы сдѣляли бы мнѣ большое одолженіе, сказалъ я офицеру этапному, — если бы позволили раскольничьему архіерею побывать у меня здѣсь, разумѣется, въ сопровожденіи надлежащаго караула.

— Сдѣлайте милость? отвѣчалъ офицеръ.

Черезъ полчаса нашей бесѣды я распрощался съ партіоннымъ, а чрезъ часъ сидѣлъ въ моей квартирѣ и раскольничій архіерей, по фамиліи Русановъ. Я далъ караульнымъ на водку и предложилъ имъ расположиться на крыльцѣ, или въ сѣняхъ, какъ они найдутъ для себя удобнѣе. Солдаты, довольные подачею, расположились на крыльцѣ. Мы остались съ Русановымъ въ избѣ двое, и я предложилъ ему чаю. Русановъ распоясалъ свой сѣрый армякъ и сѣлъ къ столу. Мнѣ рѣдко приходилось встрѣчать фізіономію замѣчательнѣе Русановой. Онъ былъ лѣтъ 40. Широкая борода его закрывала до половины бѣлое лице; изъ подъ сросшихся бровей сѣло глядѣли большіе глаза. Носъ, заостренный книзу, придавалъ его фізіономіи выраженіе *смышленное и бойкое*. Русановъ слегка оперся руками на столъ и сидѣлъ въ позѣ человѣка, далеко *не арестантской*... При малѣйшемъ его движеніи на стулѣ, ножныя кандалы издавали непріятный звукъ, и лязгъ желѣза производилъ тяжелое впечатлѣніе на душу. Русановъ вздрагивалъ при этомъ звукѣ и его какъ будто коробило. Долго у насъ разговоръ не клеился. Русановъ скрытничалъ, отиѣвивался, отдѣлывался полусловами, полурѣчами и наконецъ, когда я, своимъ *участливымъ* разговоромъ, своимъ неподозрительнымъ обращеніемъ и дружескимъ тономъ произвелъ на него впечатлѣніе благопріятное, онъ проговорилъ:

— Дѣлать нечего, такъ и быть, я расскажу вамъ исторію моей жизни безъ утайки! Вы человѣкъ, я вижу, знающій, ну и я *покаместа* такъ, — стало быть *понимать васъ могу!*

И Русановъ началъ свой рассказъ, который мы передаемъ читателямъ, раздѣливъ его на главы.

I.

Распространенное мнѣніе.

Жилъ я, сударь мой, въ 1845 г. въ р—ской губерніи и былъ помѣщичьимъ *работъ*, не простымъ, однако, мужикомъ, а конторщикомъ въ конторѣ князя В...го. Северный, скажу вамъ, былъ человѣкъ этотъ князюшка: мотъ, тиранъ, развратникъ, въ деньгахъ счету не зналъ и разорялъ крестьянъ своимъ не приведа Господи какъ! Въ городѣ жи-

веть бывало—только и знай, что денег тысячами посылай ему изъ конторы; въ село прїѣдетъ — крестьянскимъ дѣвкамъ нѣтъ житья, а мужиковъ и бабъ по цѣлому дню дереть въ конюшнѣ, даже часто изъ *собственныхъ рукъ*... Какъ бойкій малый, я былъ отданъ имъ, по двѣнадцатому году, въ губернской городъ для обученія конторскому занятію и вывезенъ потомъ въ деревню дватцати-трехъ лѣтъ, гдѣ я сталъ заправлять конторою барскою. Привезъ я эту контору князишеѣ въ порядокъ и зажилъ-было ничего — лучше крестьянскаго, но одно обстоятельство повредило тутъ мнѣ навсегда. Полюбилась мнѣ старостина дочка Прасковья Борисовна, да такъ полюбилась, что мы жить другъ безъ друга не могли; дня, не свидѣвшись, не могли пробыть! Личикомъ она была бѣленькая, глаза черные, коса полная, ручки совсѣмъ барскія. Говорила она мало и словно владучись, а на людей смотрѣла всегда въ половину глазъ, изъ подъ рѣсницъ. Отецъ ея былъ хотя и староста, но человекъ небогатый, ну, и въ рукахъ барина! Челядь барская вся за ней гонялась и не давала покоя, но Параша, бывало, какъ сдвинетъ свои густыя брови, да какъ взглянетъ этакъ *гордо* изъ подъ черныхъ рѣсницъ на нахаловъ, такъ тѣ и не шелохнутся. Съ однимъ мною она была ласкова и привѣтлива. Ну, и я цѣнилъ ея любовь! День и ночь не выпускалъ ее изъ мыслей и дарилъ ей все, что только попадалось подъ руку въ городѣ. Стали мы и о свадьбѣ было поговаривать, какъ прїѣхалъ послѣ Пасхи на лѣто въ село князишка, которому наговорили про *гордость* Парашу, про ея красоту и любовь ко мнѣ сердечную. Всеицѣлъ этотъ князишка желаніемъ увидѣть Парашу и отбить у меня... Какъ увидѣлъ онъ ее, такъ и сказалъ: „не видать, говорить, этому свиному рылу такой дѣвочки прежде меня!“ Два гайдука князишки схватили однажды вечеромъ Парашу на улицѣ и привели въ спальню въ барину... Сказываютъ, что она сильно билась и молила что было силъ — ничто не помогло! Когда съ Парашей остался одинъ гайдукъ, а другой пошелъ доглядывать князишкѣ, что вотъ молъ *усобствовали* вашему сіятельству эту дѣвчонку, Параша, не будь дурна, рванулась у гайдука въ сѣни, приперла его къ снѣлкѣ и, бросивъ свѣчку въ кудель, что была въ сѣняхъ, сама чрезъ гумно, да въ лѣсъ. Какъ овинъ сухой вспыхнулъ барскій домъ я гайдукъ чуть было не сгорѣлъ. Парашу кинулись искать. Привезли наконецъ ее въ село, заковали въ кандалы и посадили въ арестантскую. Что только было со мной, скажу вамъ, сударь, когда я увидѣлъ ее въ кандалахъ! Весь свѣтъ помутился у меня въ глазахъ...

Лишился я хлѣба совсѣмъ, когда производили слѣдствіе о Парашѣ. Бнязникѣ въ одинъ мѣсяць выстроили другой домъ; въ домѣ этомъ пьянствовали приказные до разсвѣта, и дѣло обдѣляли такъ, что черезъ годъ вышло рѣшеніе Парашѣ въ Сибирь. Я во все время слѣдствія ночевалъ каждую ночь у нея подъ окномъ и изнывалъ объ ея несчастной судьбѣ. Льетъ она, бывало, слезы ночью, а сама все проситъ меня не терзать себя и идти домой. „Простудишься“, говоритъ. Когда отравили ее въ острогъ, я не вытерпѣлъ и уѣхалъ за ней въ городъ. А самъ все думаю: не жить мнѣ безъ Парашини одному, не покину я ее изнывать въ тюрьмѣ и Сибири! Думалъ, думалъ я, да и рѣшился *бл-жаты*... Тутъ услышалъ я, что Парашу выгнали уже въ дорогу. Отецъ, мать и семья ея воротились изъ города и ревутъ благимъ матомъ, инда земля стонетъ... „Живую, говорятъ, въ землю зарыли.“ Махнулъ я тогда рукой, перекрестился на крестъ своей церкви, ткнулъ всю находившуюся казну въ конторѣ князишки, сѣлъ на верхнюю лошадь и уѣхалъ сначала въ лѣсъ, гдѣ скрывался недѣли двѣ, а потомъ и наѣхалъ на слѣдъ Парашини. Гляжу, идетъ она въ партіи арестантской на работы въ заводы сибирскіе, и въ землю взоръ вперяла; сѣрый армякъ подпоясанъ ремнемъ, рука скована съ рукой другой бабы. Облилось у меня сердце кровью. Однако я выдержалъ, и проѣхалъ благополучно мимо *сибирныхъ*. У этапа въ деревнѣ я остался въ сторонѣ у воротъ поджидать Парашу. Долго показалось мнѣ время до вечера, когда въ сумерки, наконецъ, приблизилась партія къ этапу. У меня замерло сердце. Всѣ стали разбираться, кто въ этапъ, кто во дворъ.

— Здравствуй, говорю, Параша!

Какъ взглянула, сударь мой, она на меня, такъ и остолбенѣла. Зашаталась даже.

— Я обнялъ ее и припалъ къ груди дѣвической.

Жараульные спросили меня, кто я? я сказалъ, что братъ Парашини.

— Иди прочь, тутъ не время растобаривать.

Однако я выпросилъ у нихъ за три рубля серебромъ видаться съ Парашею.

Тутъ рассказалъ я ей все и условился видѣться съ нею на этапахъ, то подъ видомъ путешественника, то богомольца, то идущаго на заработки.

Наконецъ мы разстались, и я шелъ за Парашею, какъ условился, до Сибири.

На работах Параша вяла-вяла, и словно свѣчка *догорѣла*.... Я былъ на похоронахъ ея, своими руками вырылъ ей могилу, смесь на своихъ плечахъ ея гробъ и не помню, какъ самъ замеръ на сырой землѣ. Меня подняли, допросили, потребовали вида и заподозрили *совсѣмь*. Я рассказалъ всю правду, въ горячахъ, начальству. Меня засадили въ острогъ какъ бѣглаго и начали судъ да дѣло... *Озмисля* я тогда до немоготы.

— Ужъ коли такъ, думаю, вы не хотѣли уважить моей горькой судьбы и страданій и засадили еще въ острогъ, такъ не достанусь же я вамъ! Будетъ, что сгубили одну душу. Выбралъ я ночь потемнѣй, разобралъ кирпичи у рѣшетки оконной, пустилъ кирпичемъ въ голову караульному, и убѣжалъ изъ тюрмы уѣздной сначала въ лѣсъ, а потомъ совсѣмъ долой изъ Сибири. И сталъ я, значить, *совсѣмь ужь обьялымь*.

II.

Отшельникъ.

Ходилъ я долго изъ губерніи въ губернію, изъ лѣса въ лѣсъ, скитаясь точно Каянъ, убившій брата своего Авели. Днемъ и ночью не зналъ покоя. Ляжешь, бывало, въ лѣсу подъ сосенкою, вздремнешь и только забредишь, какъ ктонибудь стукнетъ въ лѣсу, или вьязъ отъ жару храснетъ, ну и обомлѣешь. Вотъ тебя точно хватаютъ сзади и хотятъ заключить въ острогъ. Северная эта *жизнь блилаго*, доложу вамъ! Лучше бы скорѣе гдѣнибудь повѣсили. Пройдешь иногда по какомунибудь селу вечеркомъ и заглянешь въ избы. Всѣ сидятъ передъ лучиною—хозяйникъ плететъ лапти, жена прядетъ, дочь шьетъ чтонибудь, ребятишки влѣтки изъ щеповъ строятъ. Изба хоть, напримѣръ, не большая—не царскія хоромы, а какъ подумаешь, что въ ней люди живутъ себѣ въ теплѣ и никого не страшатся, такъ и зависть сейчасъ возмстъ. Наконецъ, бродя вездѣ и проклиная свою жизнь, я наткнулся въ костромской губерніи въ одномъ лѣсу на отшельника. Жилье его я сначала принялъ за берлогу медвѣжью. Въ полугорѣ, близъ ручья, подъ густыми кустами, видѣлась дверь не дверь, а что-то похожее на западню. Спрятавшись въ кусты, я рѣшился подкараулить, кто тутъ живетъ? Пролежалъ день. Вечеромъ, какъ закатилось солнце, смотрю: вышелъ изъ западни сѣдой, какъ лупъ, старикъ и погрузившись въ воду три раза одѣлся, поклонился на четы-